
УДК: 17.023.36:"652":94(38)

JEL: A12, N41, O52, P40

Виктор Тарасевич

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ИСТОКИ И КРИТО-КИКЛАДСКИЙ АВАНГАРД

Настоящая статья открывает цикл публикаций, посвящённых универсальной эволюции античной цивилизации и её субцивилизаций. Анализируются истоки и история становления греческо-эллинистической субцивилизации в материковой и островной частях Древней Греции, характерные черты Крито-Кикладского цивилизационного авангарда.

Определены особенности древнегреческой общественной эволюции в каменную и медную эпохи, в том числе: сосуществование и взаимодействие минимальных и максимальных общин доплеменного уровня, коллективно-индивидуальное экзосвоение последними территорий первых; начало развёртывания неолитической революции в общине, а не в племени и племенном союзе; доминирование эволюционных линий: 3.2.2.2 – неполивного земледелия и скотоводства – в материковой части и 3.2.2.3 – неполивного земледелия, скотоводства и морского промысла – в островной части.

Выделены качественные характеристики цивилизационного Крито-Кикладского ареала, которые обозначают его принадлежность к срединному субтипу Восточного типа общественной эволюции, а именно: территориально-локализованное деятельностно-видовое разнообразие в общине и племени, а не племенном союзе; государствообразование преимущественно на племенном, а не союзно-племенном субстрате; взаимодействие дворцового, городского, вельможных и общинных хозяйств; появление элементов частного экзосвоения – и относительно обособленного, и вплетённого в ткань властно-собственнического своения; позиционирование персонально-корпоративной лично-кланово-частной формы последнего как государственной; недеспотический характер теократии, отсутствие жреческой вертикали и обожествления царя.

Ключевые слова: цивилизация, субцивилизация, минимальная и максимальная община, эволюционная линия, тип и субтип общественной эволюции, хозяйство, экзосвоение, государственная форма, власть-собственность, теократия.

ANTIQUE CIVILIZATION: ANCIENT GREEK SOURCES AND CRITO-CYCLADIAN VANGUARD

Viktor Tarasevych

Viktor Tarasevych (viktarasevich@gmail.com) Doctor of Economics, Professor, Chair of Department of International Economics, Political Economy and Governance National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnipro).

The article opens a cycle of publications devoted to the universal evolution of the Ancient civilization and its sub-civilizations. The author analyzes the origins and

Тарасевич Виктор Николаевич (viktarasevich@gmail.com), д-р экон. наук; Национальная металлургическая академия Украины (Днепр). ORCID iD-0000-0002-6997-0166

© В. Тарасевич, 2020

ISSN 1811-3133. Экономическая теория. 2020. № 1: 57–76

history of the formation of Greek-Hellenistic sub-civilization in the mainland and island parts of Ancient Greece, and the characteristics of the Crete-Cycladic civilization vanguard.

The author determines the features of the Ancient Greek social evolution in the Stone and Copper epochs, including: the coexistence and interaction of the minimum and maximum communities of the pre-tribal level, the collective-individual exo-acquisition of the formers' territories by the latter; the beginning of development of the Neolithic revolution in the community, and not in the tribe and tribal union; and the dominance of evolutionary lines: 3.2.2.2.2 – irrigated agriculture and cattle breeding – in the mainland and 3.2.2.2.3 – irrigated agriculture, cattle breeding and sea fishing – in the island part.

Identified the qualitative characteristics of the civilized Crete-Cycladic area, which designate its membership in the Middle subtype of the Eastern type of social evolution, namely: territorially localized activity-type diversity in the community and tribe, and not the tribal union; state formation mainly on the tribal, not union-tribal substrate; interaction of palace, city, grandee and communal farms; the appearance of elements of private exo-acquisition – both relatively isolated and interwoven into the fabric of the power-ownership exo-acquisition, positioning the personal-corporate personal-clan-private form of the latter as a state feature; the non-despotic nature of theocracy, and the absence of the priestly vertical and the deification of the king.

Keywords: civilization, sub-civilization, minimum and maximum community, evolutionary line, type and subtype of social evolution, economy, exo-acquisition, state form, power-property, theocracy.

В планетарном измерении географический ареал ядра греческо-эллинистической субцивилизации античной цивилизации относительно невелик – южные, часть центральных областей Балканского полуострова и острова Эгейского моря, прежде всего Крит, Кипр, Киклады. Значительно обширнее ареал её *экспансии* – Малая Азия, Северное Причерноморье, Апеннины и прилегающие острова, а в эпоху Александра Македонского – около половины Ойкумены. Масштабы же *культурного влияния* Древней Греции на эволюцию человечества не поддаются оценке – и потому, что её культура сама по себе бесценна, и потому, что именно она оплодотворила величие Древнего Рима и Византии, возрождение Европы, становление Киевской Руси и православно-евразийской цивилизации, и потому, что её наследие весьма востребовано и в современном мире. Очевидно, *общечеловеческая* значимость греческо-эллинистической субцивилизации античной цивилизации, её вклад в сокровищницу мировой культуры во многом определяются *уникальностью* её оснований, содержания и жизненного цикла¹. Научное осмысление интеграционно-универсального и институционального измерения этой уникальности вряд ли возможно вне первоочередного обращения к истокам, основаниям и началу становления субцивилизации. Именно этой проблематике посвящена настоящая статья.

От палеолита к энеолиту

Природные условия Древней Греции не позволили ей стать родной *homo sapiens sapiens*. В обозримой истории в её ландшафте всегда преобладали горы и нагорья, а леса и лесостепи ограничивали площадь степных низменностей. Хотя льды плейстоцена никогда не

¹ Акцент на указанной уникальности не предполагает систематического повторения рассмотренных в предыдущих статьях универсальных характеристик эволюции и её специфики в первых восточных цивилизациях.

сковывали её пространство, средний температурный режим не благоприятствовал "эмбриональной" стадии генезиса гоминидов. Но этот же режим оказался вполне приемлемым для родившегося и "повзрослевшего" в Африке архантропа. Заселение им юга Балкан и прилегающих островов началось в четвертичном периоде (*нижний палеолит*, 2,3–2,5 млн лет – 900 тыс. лет назад) (*История Европы...*, 1988. С. 50–51) и, по всей видимости, имело не непрерывный, а дискретно-волновой характер.

Переселенцы принесли с собой основы и традиции древнейших галечных индустрий и ашельской культуры (900 тыс. – 170 тыс. лет назад и позже). Имеющиеся археологические данные об охоте преимущественно на крупных животных, сборе моллюсков, черепах, дикорастущих бобовых, а также о примитивных ручных рубилах и кливерах (*История Европы...*, 1988. С. 52–54) не позволяют установить соотношение возникших и развивавшихся (2) и (3) линий эволюции присваивающего хозяйства и унобров (соответственно коллективных охотников открытых ландшафтов, собирателей и охотников преимущественно закрытых ландшафтов)². Тем не менее вполне допустимо предположить появление уже в этом периоде элементов преддеятельности, метаповедения и протожизнедеятельности, первых протосоциальных общностей (протообщин), а также *коллективно-индивидуального* протосвоения кормовой территории, орудий и соответствующих примитивных очеловеченных СЧС, протоинститутов как единства метаинстинктов и прединститутов.

В *среднем палеолите* (125–40 тыс. лет назад) на древнегреческих землях доминирует палеоантроп – неандерталец. Правда, в период Вюрма (75–50 тыс. лет назад) отмечено начало развития *homo sapiens sapiens* (значительно позже, чем в Африке и на Ближнем Востоке) и выделения расовых групп и антропологических типов (*История Европы...*, 1988. С. 57–58). Вероятнее всего, его численность была незначительной, но именно с ним, человеком разумным, уместно связывать возникновение *родовых* общин. Их базовые лагеря располагались, как правило, между морскими ресурсами и горами (нагорьями) с дикими копытными животными (*История Европы...*, 1988. С. 56), а также вблизи рек, что подтверждает предположения о значительном распространении уже в этом периоде (3) эволюционной линии и соответствующих общин (унобров).

Усложнение орудий (ядрища, рубила различных форм, наконечники на копья, дротики и др.), их многофункциональность (обработка дерева и шкур, строгание, резание, сверление и др.), переход от генерализованной к специализированной охоте, первые погребения свидетельствуют о существенном прогрессе преддеятельности, умножении её отнюдь не упрощающихся паттернов, успешной конкуренции цепочек целенаправленных (хотя и не вполне осознанных) действий с цепочками инстинктивных реакций. Это означает появление простейших *личностных* качеств рождающегося человека разумного. Он не только уже отличает себя от животных, но и особым образом позиционируется в общине. Разумеется, он был слит с ней столь прочно, что не выделял себя из неё в качестве особого "Я". Но, име-

² Отсутствие тропического климата делает маловероятным распространение (1) эволюционной линии и соответствующих унобров.

ную себя в третьем лице, он уже догадывался о своем отличии от других членов общины, каждый из которых также именовался не иначе, как в третьем лице.

В связи с изложенным выше вполне уместно предположение о рождении примитивного *личного эндосвоения*³ изготовителем орудий и его учениками соответствующих СЧСоч (навыков, умений, способностей), а также *личного экзосвоения* отдельных орудий наиболее умелыми собирателями и охотниками. С учётом весьма вероятного наличия половозрастного разделения преддеятельности, не менее вероятно возникновение *группового экзосвоения* определённого класса орудий и *группового эндосвоения* соответствующих СЧСоч. Речь идёт, к примеру, о своении мужчинами особых СЧСоч и орудий охоты, а женщинами – особых СЧСоч и орудий собирательства. Разумеется, и личное, и групповое, и *смешанное лично-групповое* своение были вплетены в "ткань" абсолютно доминирующего *коллективно-индивидуального* экзосвоения земли и орудий в том смысле, что едва обозначающиеся элементы распоряжения, владения, управления были безусловной прерогативой общины. Имеются в виду не какие-то демократические процедуры, которые в те времена отсутствовали по определению, а абсолютное господство, "власть-собственность" коллективных *общинных протоинститутов*, определявших весь строй протожизнедеятельности и общины, и каждого общинника от рождения до смерти. Это верно и в отношении протоинститутов тотемизма и фетишизма. Их коллективно-индивидуальное эндосвоение нужно понимать в смысле не только научно-традиционном (члены общины эндосваивают протоинституты), но и в весьма необычном, условном, – протоинституты "распоряжаются", "владеют" и "управляют" жизнедеятельностью общины и каждого общинника.

Эволюционные тренды нижнего и среднего палеолита получили естественно-историческое продолжение в *верхнем палеолите* (40–7 тыс. лет назад). Однако перехвативший у неандертальца "эстафету" доминирования кроманьонец привнёс в них весьма значимые инновации. *Во-первых*, состояние ряда орудий (прежде всего, лука и стрел), "импортированных" с Ближнего Востока и Северной Африки ориньякской (37–20 тыс. лет назад), солютрейской (21–16 тыс. лет назад) и мадленской (16–10 тыс. лет назад) индустрий (*История Европы...*, 1988. С. 59–60) свидетельствует о принципиально важном цивилизационном сдвиге: орудия начинают изготавливаться не просто из природного материала с помощью естественных подручных средств, как это было ранее, а с помощью искусственных (уже созданных руками кроманьонца) орудий. Это "*порождение*" орудий орудиями было бы невозможным без соответствующих обеспечивающих новых паттернов, которые в свою очередь возникают не из цепочек инстинктивных реакций как их продолжение, а из и на основе уже существующих паттернов. "*Порождение*" паттернов паттернами является верным признаком возникновения человеческой деятельности из сплава метаповедения и преддеятельности. Если же учесть, что паттерны суть не

³ Здесь и далее используется ранее обоснованная концепция собста как противоречивого единства своения и чуждения. В свою очередь, своение представлено в своих противоречивых формах – присвоении и высвоении. Экзо- и эндосвоение отражают своение СЧС, соответственно внешних и внутренних для актора своения (см. подробнее: Тарасевич, 2017. С. 333–348).

только СЧСоч, но и элементарные *собственно институты*, то кроманьонец предстает актором целенаправленной и пока ещё примитивно осознанной деятельности – "младенца", и очеловечивающей, в том числе институциональной, и опредмечивающей. Разумеется, речь идёт всего лишь о её первых и робких "ростках".

Во-вторых, обозначенный прогресс опредмеченных и очеловеченных СЧС кроманьонца делает вполне уместным предположение о начале постепенной трансформации эволюционной линии и унобров (3) в линию и унобры (3.1) – высших собирателей, охотников и рыболовов. Этот переход в основном подтверждается археологическими материалами из пещеры Франхти (Пелопоннес). Если 25–20 тыс. лет назад её обитатели охотились в основном на дикую лошадь, то 10 тыс. лет назад состав объектов охоты заметно расширяется (дикие лошадь, бык, коза, пушные звери), развивается ловля мелкой речной рыбы, простейший морской промысел, в поле зрения собирателей попадают не только бобовые, но и дикие злаки (ячмень, овес) (*История Европы...*, 1988. С. 61–62). Ясно, что подобное усложнение, диверсификация и дифференциация присваивающего хозяйства были бы невозможны без соответствующих прогрессивных изменений в СЧСоч и орудиях.

В-третьих, неизбежно усложняется и социальная организация по-прежнему эгалитарной родовой общины. *Парная семья* становится её устойчивой ячейкой, проживает в отдельной хижине либо у своего очага в многоочажном доме. Наряду с *минимальной* общиной, состоящей из 2–3 наиболее близких в родственном отношении семей, появляется *максимальная* община как совокупность 7–19 минимальных общин. Подобное объединение поначалу спорадично и временно. Видимо, речь идёт либо о необходимости решения каких-то непосильных минимальной общине задач, либо о совместном проживании в более обеспеченный пищевой сезон. Но в любом случае максимальная община является предтечей племени.

В-четвёртых, обретение устойчивости парной семьёй, а также минимальной и максимальной общинами было бы невозможно без адекватных подвижек в своении СЧС. С учётом понятной ограниченности фактологической базы уместны не утверждения, а предположения (что, впрочем, характерно для любой исторической реконструкции). Наиболее вероятным представляется постепенный и весьма длительный переход от доминирования коллективно-индивидуального экзосвоения минимальной общиной территории её обитания к доминированию коллективно-индивидуального экзосвоения максимальной общиной более обширной территории, которая обнимает все территории соответствующих минимальных общин. Видимо, такое доминирование достигается к концу верхнего палеолита и предполагает спонтанное закрепление за каждой минимальной общиной и парной семьёй определённых элементов (подэлементов) экзосвоения определённых участков земли, прежде всего пользования и, отчасти, владения, при сохранении некоторых распорядительных "полномочий" за максимальной общиной.

Образование больших межобщинных групп мужчин и женщин для охоты и собирательства вполне вероятно, но в силу временного характера таких групп вряд ли их объединение и действия оказывали сколько-нибудь существенное влияние на групповое своение. Его про-

гресс, равно как и личного своеия, связан с усложнением орудий и разделением преддеятельности. Поскольку в верхнем палеолите отмечен первый взлёт *искусства* (наскальной и пещерной живописи, гравировки, изготовления малых форм, в первую очередь женских фигурок, из рога, кости и камня (*История Европы...*, 1988. С. 64)) как вида очеловечивающей деятельности, постольку заявляет о себе принципиально новый вид паттернов очеловечивания и опредмечивания, "авторами" и носителями которых могли быть лишь отдельные члены общины, обладающие соответствующими способностями. Ясно, что эти паттерны как собственно наноинституты не могли не оказывать влияния на общинные протоинституты, прежде всего культы и ритуалы. Видимо, в силу отсутствия постоянного избыточного продукта эти первые "художники" и "скульпторы" творили в свободное от охоты и собирательства время. Это верно и для первых шаманов, отправлявших культы и ритуалы тотемизма и анимизма, а также старейшин. Как видим, личностное начало в первичной родовой общине не просто присутствовало, но прогрессировало.

Относительно непродолжительный *мезолит* (10 – рубеж 7 и 6 тыс. лет назад) представлен значительно меньшим числом памятников материальной и нематериальной культуры. В целом они свидетельствуют о преемственности общественной и институциональной эволюции даже в значительно изменившихся природных условиях. Характерное для голоцена потепление, повышение влажности, наступление смешанного леса сопровождалось значительным уменьшением количества стадных животных (*История Европы...*, 1988. С. 65–66). Даже связанное с этим появление и совершенствование паттернов охоты на нестадных животных и соответствующий прогресс многочисленных микролитов не могли гарантировать достаточный для выживания пищевой рацион. Отсюда – вынужденный акцент на рыболовстве и собирательстве, первые шаги в направлении доместикиации.

Судя по археологическим материалам из пещеры Франхти, именно мезолитом датируется начало мореходства, интенсивное развитие рыбной ловли с применением лодок. Состояние землекопных мотыгообразных орудий (*История Европы...*, 1988. С. 65–66) свидетельствует о достаточно высокой степени их готовности обеспечивать не только высшее собирательство, но и примитивное земледелие, и умножении предпосылок трансформации унобров (3.1) в унобры (3.2) – ранних земледельцев и скотоводов. Разумеется, повышение значимости морского и речного промысла катализировало переход к оседлости, однако в мезолите её час ещё не пришёл. Минимальные общины сохраняют верхнепалеолитическую подвижность, а продолжительность совместного проживания минимальных общин в составе максимальной общины отнюдь не увеличилась (*История Европы...*, 1988. С. 66). Следовательно, интенсивность примитивного обмена между минимальными общинами результатами охоты и собирательства не снизилась. Более того, обмен продуктами дополняется обменом женщинами и/или мужчинами, ибо возникшая в мезолите экзогамия не представляла иных возможностей для продолжения рода. Эти и другие аспекты жизнедеятельности общин свидетельствуют о том, что необходимым условием утверждения племенной организации унобров является значительная оседлость общин, а последняя вряд ли достижима в *присваивающем* хозяйстве (ПХ).

Неолитическая революция и становление воспроизводящего хозяйства (ВХ) явились результатом эндогенного, самостоятельного и независимого развития всего лишь нескольких центров Древнего Мира, в ряду которых историки не называют Древнюю Грецию. Переднеазиатские и ближневосточные волны неолитизации достигли древнегреческих островов к рубежу VII и VI тысячелетий до н.э. По некоторым данным именно в этот период остров Крит был заселён земледельческо-скотоводческими племенами *финикийцев* – выходцами из Передней Азии. К четвёртой четверти VI тыс. неолитизация охватывает весь Балканский полуостров, а её основными агентами, носителями стали *средиземноморцы*, тогда как аборигены материковой Греции относились к *кроманьондному* типу (*История Европы...*, 1988. С. 70–72). Означает ли это, что неолитической революцией Древняя Греция "обязана" исключительно "варягам"?

В материковой Греции, во-первых, количество средиземноморцев-переселенцев было незначительным, во всяком случае, в первые столетия неолитизации. Они не были профессиональными рыболовами, охотниками и скотоводами (*История Европы...*, 1988. С. 73), их унобры принадлежали к эволюционной линии 3.2.2.3 – преимущественно специализированного земледелия. Следовательно, они были вынуждены сосуществовать и взаимодействовать с "превосходящими силами" аборигенных унобров (общин) 3.1. Такой многолетний экономический симбиоз не мог не сопровождаться не только перекрёстными браками, но и неолитизацией унобров 3.1, а также освоением скотоводства унобрами 3.2.2.3, то есть эволюцией по линиям 3.2.2.2 – развитого земледелия и скотоводства и 3.2.2.2.2 – неполивного земледелия и скотоводства. Во-вторых, имеющиеся данные о поселении середины VI тысячелетия до н.э. Неа Никомедия (Северная Греция) (*История Европы...*, 1988. С. 75–76) позволяют предположить рождение элементов первичного неолита в аборигенных унобрах 3.1 в результате их по преимуществу самостоятельной и независимой эволюции при некотором катализирующем воздействии упомянутых унобров "пришельцев".

Поскольку с переходом к неолиту многие учёные связывают возникновение племенного общества (*История Европы...*, 1988. С. 71), означает ли вышеизложенное, что в материковой Греции уже в VI–V тысячелетиях в основном завершился переход от общинной к племенной организации унобров? С одной стороны, археологически проследить племя в обозначенный период не так просто. Пожалуй, единственной реальностью остаётся община земледельцев и скотоводов, которую образуют жители одного поселения. По крайней мере, в первичном неолите общины по преимуществу автономны и экономически, и политически (*История Европы...*, 1988. С. 78–79), что не в последнюю очередь объясняется сложностью ландшафта как естественной преграды для интенсивной межобщинной простой кооперации, обмена и интеграции.

С другой стороны, преобладание лишь одного административного уровня поселений отнюдь не означало отсутствия подвижек в направлении племенной организации. И дело не только в прогрессирующем взаимодействии минимальных и максимальных общин. Общеизвестным является тот факт, что вожди некоторых общин простирали своё влияние и власть на соседние общины, но не могли пе-

редавать последнюю по наследству (*История Европы...*, 1988. С. 78). Поскольку для артефактов рассматриваемого периода характерна крайняя малочисленность оборонительных сооружений и вооружений, нетрудно предположить постепенное возвышение *материнской* общины и её вождей над дочерними и внучатыми общинами. Это вполне соответствует логике *первого этапа* становления племенных унобров, хотя и с упомянутыми отличиями от сходных переднеазиатских и ближневосточных процессов.

В-третьих, противоречивые данные о матрилокальности и патрилокальности (*История Европы...*, 1988. С. 78) свидетельствуют, по крайней мере, об их сосуществовании и постепенном переходе к патриархату. Судя по характеру захоронений, уже на рубеже VI и V тысячелетий именно мужчины в качестве старейшин, шаманов и вождей занимают ведущие позиции в общинах. Следовательно, именно они становятся доминирующими акторами своения. Прежде всего, речь идёт о закреплении за ними важных субэлементов распоряжения, владения и управления в коллективно-индивидуумном, групповом, личном и лично-групповом экзосвоении опредмеченных СЧС и эндосвоении очеловеченных СЧС, в том числе протоинститутов и первых мезо собственно институтов. К сожалению, дефицит данных о социальной, духовной, политической и институциональной деятельности рассматриваемого периода не позволяет достаточно определённо судить о соответствующих подвижках в указанных формах своения. Ясно одно – они доминируют как в позднем ПХ, так и в раннем ВХ. Этому вполне отвечают приоритеты общинного уровня организации унобров и в позднем ПХ, и в раннем ВХ. Следовательно, своим рождением и первыми шагами "детства" неолитическая революция обязана именно родовой общине, а племенной уровень организации унобров и соответствующий этап *централизации* в материковой Древней Греции возникает не в первичном неолите, как в Древнем Египте и Древней Месопотамии, а несколько позже.

Неолитизация *островной* части Древней Греции была по преимуществу "переселенческой", поскольку осуществлялась племенами колонизаторов в условиях их активных контактов и с метрополией, и с аборигенами. С одной стороны, колонизация катализировала переход к племенной организации аборигенных общин, с другой – сопровождалась модификацией племенной организации колонизаторов. По всей видимости, к концу IV тысячелетия критическая масса унобров в основном завершила второй этап эволюции племени и начала переход к третьему этапу (Тарасевич, 2013. С. 191–192). Тому есть достаточно убедительные свидетельства.

Во-первых, именно на островах опережающее развитие получила энеолитическая культура Сескло (*История Европы...*, 1988. С. 80–81), а также тесно связанная с Ближним Востоком оригинальная местная культура (Бартонек, 1991. С. 163). Следовательно, неолитическая революция продолжалась здесь чуть более тысячелетия и завершилась "победой" *медного века*, который, как известно, несовместим с доминированием родовой общины над рождающимся племенем. В частности, благодаря в том числе и медным орудиям в *земледелии* достигнуто большое видовое разнообразие возделываемых культур и продвинутый уровень их чистоты, освоены новые видовые группы культурных растений (*История Европы...*, 1988. С. 81). Вкупе с соот-

ветствующим прогрессом *скотоводства* и морского дела это означает окончательное утверждение унобров 3.2.2.2.2 – развитого неполивного земледелия и скотоводства, а также 3.2.2.2.3 – неполивного земледелия, скотоводства и морского промысла. Это не могло не повлиять на *ремесленную* деятельность. В IV тысячелетии такие домашние производства, как ткачество, кожевенное дело, изготовление керамики, металлургия и металлообработка меди и золота, скорее всего, уже выделились в *самостоятельные* ремёсла (*История Европы...*, 1988. С. 80). Видимо, производство предметов роскоши, ритуала и украшений постепенно концентрировалось не столько в общинных, сколько в племенных центрах. Это верно и в отношении судостроения для морских промыслов, особую значимость которых для островитян и судеб древнегреческой цивилизации ещё предстоит осмыслить.

Во-вторых, выделение племенных центров отмечено в энеолитических *поселениях*, для которых характерно двухуровневое иерархическое строение: общинный и региональный (племенной) уровни при доминировании последнего. Племенной центр уже координирует экономическую, социальную и религиозную деятельность, руководит крупными общественными работами, в том числе по строительству культовых святилищ и храмов. Вокруг этих центров возводятся оборонительные сооружения, в них же концентрируются вооружения, что свидетельствует о нередких столкновениях и войнах между колонизаторами и аборигенами.

В-третьих, иерархичность поселений и характер обнаруженных в них артефактов свидетельствует о начале социальной и имущественной дифференциации, сосредоточении значительных богатств, прежде всего золота, в руках верхушки племени (*История Европы...*, 1988. С. 73), которая в силу этого являлась основным субъектом обмена и рождающейся торговли. В то же время сохраняется доминирование традиционного племенного обычного права.

В-четвёртых, наличие племенной организации унобров подтверждают также многочисленные пантеоны земледельческих божеств, а также письменности в различных формах: протописьменность в виде миниатюрных глиняных изображений различных предметов, существ и символических чисел; пиктографическое письмо; знаки линейного письма.

Как видим, энеолитическое развитие племенной организации унобров в островной Древней Греции в основном *соответствует* ранее обозначенным *универсальным тенденциям*. Это верно и в отношении деятельностных паттернов, мезо-, макро-, прото- и собственно институтов, формирующейся властной группы (ВГ) племени и её власти-собственности. К сожалению, по имеющимся артефактам IV тыс. до н. э. трудно достаточно определенно судить как о достигнутых рубежах в утверждении третьего этапа эволюции племени⁴, так и о его (этапа) *специфике* в сравнении с таковым в Древнем Египте и Древней Месопотамии.

Крито-Кикладский цивилизационный авангард

В III тыс. до н. э. явно обнаруживается опережающее цивилизационное развитие древнегреческих островных и прибрежных ра-

⁴ В частности, открытым остаётся вопрос о господствующей форме власти-собственности: является ли таковой лично-клановая или персонально-клановая.

йонов. Племенные унобры укрупняются, их организация значительно усложняется и становится господствующей над общинно-родовой. Ведущие племенные центры трансформируются в протогородские поселения, налаживаются межплеменные связи. Артефакты XIX–XVII веков свидетельствуют о существовании настоящих городов, разветвлённого дворцового хозяйства, утверждении наследственной власти вождей племён, появлении неустойчивых племенных союзов и первых ранних государств (*История Европы...*, 1988. С. 142–144).

Характер господства царей Кносса над всем Критом, Кикладами и некоторыми другими островами в XVII – первой половине XV века позволяет предполагать существование достаточно развитой Крито-Кикладской монархии (*История Европы...*, 1988. С. 147–151), которая, однако, не выдержала испытаний природными катастрофами и нашествием ахейцев. В середине XV века критская монархическая династия прекращает существование, а новая ахейская царская власть оказывается менее могущественной – вначале она теряет контроль над Кикладами, а в середине XII века низвергается племенами дорийцев. Таким образом, очевидно, что укрупнение унобров и цивилизационная централизация в островной Древней Греции достигают апогея в XVII–XV веках до н. э., а затем доминируют децентрализация и разукрупнение.

С учётом восточного происхождения критян, перманентного и активного древнеегипетского и ближневосточного влияния, а также имеющихся неоспоримых фактов (развитое дворцовое хозяйство, иерархическая социальная структура, подчинённое положение общины, теократический характер монархии, неограниченная сакрализация царя и др.) вполне логичным может показаться вывод историков о сугубо восточном типе эволюции Крито-Кикладского цивилизационного ареала в III–II тыс. до н. э. со всеми вытекающими последствиями⁵. Однако ближайшее рассмотрение обнаруживает ряд немаловажных обстоятельств, которые дают основания для некоторых неортодоксальных предположений.

В III – начале II тыс. до н.э. великое индоевропейское переселение народов практически не затронуло Крито-Кикладский ареал. Разумеется, сохранение преимущественной этнической однородности местных племен, их восточное происхождение и активное древнеегипетское и ближневосточное влияние способствовали ускорению в этом ареале цивилизационных процессов вообще и их восточной составляющей, в частности. Но простого повторения пути, пройденного первыми цивилизациями, не произошло. Предписанное природой и вмещающим ландшафтом весьма обособленное, зачастую анклавное расположение племён обусловило относительно⁶ слабые межплеменные связи и высокий уровень территориальной концентрации природной энергии и производной от неё энергии общественной. Потенциал последней оказался вполне достаточным и для обеспечения в рамках племени тех взаимосвязанных цивилизационных сдвигов, которые бы-

⁵ В частности, это означает, что эволюция форм властно-собственнического владения СЧСопр и СЧСоч в указанном ареале если и не тождественна, то подобна таковой в Древнем Египте и Древней Месопотамии.

⁶ В сравнении с первыми цивилизациями Востока.

ли характерны для древнеегипетских племенных союзов, и для последующей экспансии на материковые земли.

Прежде всего привлекает внимание *территориально локализованное* прогрессирующее *деятельностно-видовое разнообразие* в общине и племени, а не племенном союзе. Закономерно выделяющиеся виды и подвиды деятельности, в том числе специализированные ремесла, меновая торговля, религиозный культ, сосуществуют и взаимодействуют на относительно небольших пространствах. Специализация отдельных общин на тех или иных видах (подвидах) деятельности не является абсолютной в том смысле, что наряду с основным видом (подвидом) деятельности (например, выращиванием оливок) в общине развиваются и разные "непрофильные" занятия.

С укрупнением племенных унобров наблюдается концентрация ведущих ремесел и торговли в племенных центрах. Это типично и для первых цивилизаций, но, в отличие от них, островное земледелие и скотоводство менее значимо, а *ремесло и морское дело* – более значимо не только в племенных центрах, но и в *племенных унобрах* в целом. В условиях ограниченности плодородных земель демографическое расширение племени неизбежно сопровождалось развитием разных ремесел, морского промысла и менового обмена их продукцией на необходимые ресурсы (например, медь, обсидиан) и продукты. В отсутствие объединяющей племена производственной деятельности, например, ирригационной, меновая торговля выполняет важную функцию поддержания общения этнически родственных племен. Видимо, в рассматриваемый период военные столкновения были весьма немногочисленными и спорадическими.

На фоне усложнения племенных унобров не удивителен принципиальный деятельностный сдвиг: именно в *племенном* хозяйстве, а не в дворцовом хозяйстве племенного союза, начинают изготавливаться многочисленные *бронзовые орудия*. Таким образом, создание рукотворных, искусственных орудий из природного, естественного материала (камень, медь) дополняется и начинает постепенно вытесняться производством *искусственных орудий из искусственного материала* (бронзы). Это означает, что деятельностные паттерны становятся ещё более абстрактными и изошёнными, а человек поднимается ещё на одну ступень вербально-теоретического сознания, которой соответствуют и пиктография, идеограммы, и десятичный счёт, и искусная вазопись стиля Камарес.

Территориальная локализация разных видов (подвидов) деятельности предполагает достаточно сложное переплетение простейшей, простой и усложнённой простой *кооперации*. Во всяком случае, в растущих племенных центрах, в их преобразовании в протогорода и в этих последних важную связующую роль играет *непосредственная* усложнённая простая кооперация деятельности, а в межплеменных контактах – опосредованная.

По всей вероятности, в конце III тыс. до н.э. не только деятельностное, но и *институциональное строение* Крито-Кикладских племен было несколько сложнее, чем таковое у древнеегипетских и ближневосточных племён аналогичного исторического периода. В частности, речь идёт, *во-первых*, об иерархическо-синархическом взаимодействии различных протоинститутов: общеплеменных, общинных, рождающихся социальных групп, семей, отдельных акторов; *во-вторых* –

о продуцировании соответствующих разнообразных собственно институтов, призванных упорядочивать развитие и функционирование племенного унобра. Имущественное неравенство ещё не получило устойчивого институционального закрепления⁷, но социальная дифференциация по родовому и профессиональному признакам обозначилась вполне определённо. Не будет преувеличением предположить, что кланово-корпоративные группы критских ремесленников (прежде всего, судостроителей, ювелиров, вазописцев, гончаров), мореходов, торговцев были более влиятельны и независимы в сравнении с древнеегипетскими. Например, их главы нередко приглашались на собрания властной группы племени (ВГП) и, видимо, обладали правом совещательного голоса (*История Европы...*, 1988. С. 144). Повышение статуса профессиональных кланов-корпораций и ВГП на третьем этапе эволюции племени, завершившийся во второй половине III тыс. до н.э. переход к наследованию должности вождя не сопровождался ощутимым наступлением на традиционные права общин и свободных общинников, чьё положение по-прежнему резко контрастировало с таковым невольников, рабов и других "чужих".

Поскольку экономические и социальные акторы, как правило, являются и акторами *своения*, а по уровню сложности социальный состав и структура ведущих крито-кикладских племенных унобров была сопоставима с социальной "тканью" племенных союзов Древнего Египта и Древней Месопотамии, постольку вполне правомерно предположение о наличии тех или иных элементов подобия в их (племён и племенных союзов) системах *своения*. Прежде всего, речь идёт о *корпоративной* составляющей последнего. Её элементы появляются в преимущественно *коллективно-клановом* *своении* профессиональных групп ремесленников, мореходов и посредством представительства этих групп во ВГП привносятся в доминантную ПКл форму властно-собственнического *своения* ВГП.

Присмотримся к этому пункту внимательней. Изначально типичная профессиональная группа состоит из кровных родственников и является актором *коллективно-кланового* (ККл) эндоприсвоения соответствующих СЧСоч – умений, навыков, know-how и т.п., а также ККл экзоприсвоения соответствующих средств и результатов опредмечивания, которые не являлись объектами властно-собственнического *своения*. С укрупнением племени, развитием торговли, ростом числа военных столкновений и захваченных иноплеменников, по крайней мере, некоторые из последних с учётом их *личных* профессиональных качеств могли включаться в упомянутые группы. Видимо, "пионерами" такого способа пополнения выступили группы мореплавателей, как наиболее динамичные, независимые и открытые к внешним взаимодействиям. Вероятнее всего, на протяжении одного-двух поколений "пришельцы" вряд ли могли претендовать на равенство с членами клана в *своении* соответствующих средств и результатов морского дела. Но профессиональная группа тем и отличается от кровнородственной, что рано или поздно положение в ней того или иного члена

⁷ Например, в кикладских протогородах 2800–2200 годов встречаются только однотипные жилища без особого выделения домов вождя и родовладык, но в погребениях уже заметны имущественные различия (*История Европы...*, 1988. С. 139).

начинает определяться не только его происхождением, но и уровнем личного профессионализма. Видимо, постепенно утвердившийся коллективно-кланово-корпоративно-личный (ККлКрЛ) характер присвоения таких групп в длительном периоде был воспринят и другими профессиональными кланами-корпорациями, и самой ВГП. Во всяком случае, наличие в её составе неродовитых профессионалов – неоспоримый исторический факт.

Следовательно, характерная для племён первых цивилизаций ПКл форма власти-собственности в Крито-Кикладском ареале конца III – начала II тыс. до н.э. дополняется *корпоративной* составляющей. Исчерпывает ли эта специфическая ПКлКр форма властно-собственного присвоения все особенности последнего в указанном ареале в указанный период? Видимо, нет. В самом деле. Углубление имущественного неравенства, появление индивидуальных домов, в том числе двухэтажных, значительных накоплений предметов роскоши не только в поздних протогородах, но и в общинных поселениях, прежде всего прибрежных, свидетельствуют о первых шагах *частного* экзосвоения и относительно обособлённого от своения властно-собственного, и вплетённого в его "ткань". О каком именно частном экзосвоении идёт речь?

Ранее (Тарасевич, 2013. С. 202–203) уже акцентировались различия между частным и личным своением. Однако этого недостаточно для понимания специфики *рассматриваемых* реалий своения. В дальнейшем будем иметь ввиду следующее. *Во-первых*, не целесообразно отказываться от принятого в фундаментальной экономической науке отнесения частного своения к преимущественно опредмеченным СЧС (СЧСопр). Иными словами, *частным* может быть экзо-, но не эндоприсвоение. Напротив, объектами *личного* присвоения могут выступать и СЧСопр, и СЧСоч, но только как результаты индивидуальной деятельности актора – личного собственника. Следовательно, личное присвоение не является эксплуататорским.

Во-вторых, обычно в частном экзоприсвоении выделяют *трудо-вой* и *нетрудовой* подвиды. Содержательно первый близок личному экзосвоению, но отличен от него институциональной автономностью, автаркичностью по отношению к коллективным микро-, мезо- и макроинститутам. Частное нетрудовое экзоприсвоение как эксплуататорское экзоприсвоение чужой деятельности сверх объёмов собственной, обычно отождествляется с капиталистическим. Между тем, последнее является лишь одним из подвидов первого. Военное и морское дело древности порождает нетрудовое захватническое экзоприсвоение, в том числе – *частнозахватническое*.

С учётом вышеизложенного становится понятным существо частного экзосвоения "удачливых" участников военных действий и морского грабежа. Но, если в первых цивилизациях оно изначально жёстко контролировалось ВГ-ми и практически всецело зависело от господствующей власти-собственности, то в островной Древней Греции рассматриваемого периода оно позиционировано в качестве *относительно обособленного* элемента каждой из двух систем своения – и (1) соответствующей профессиональной группы, и (2) племени в целом. В (1) случае речь идёт о включении частной составляющей в ККлКрЛ экзоприсвоение, а во (2) – сохранении ряда объектов (домов, предметов роскоши и т.п.) в частном экзоприсвоении акторов,

вышедших из состава профессиональной группы. Поскольку же некоторые частные собственники первой и второй "категорий" могут пополнять состав ВГП, постольку вместе с ними в систему её экзоприсвоения привносится и частный элемент. Более того. По мере развития экзоприсвоения ВГ-ой механизмов и институтов редистрибуции и роста объёмов избыточного продукта, поступающих в её распоряжение, её персоны неизбежно экзоприсваивают его часть, конвертируя её в передаваемое по наследству имущество. Объектами подобного экзоприсвоения могут быть и теневые доходы персон ВГП.

Итак, уже в позднем племени в состав властно-собственнического своения включается не только корпоративная, но и частная составляющая, а ПКл своение ВГП трансформируется в *персонально-кланово-корпоративно-лично-частное* (ПКлКрЛЧ). На первых порах оно вполне мирно сосуществует с иными формами своения соответствующих объектов, характерными, в частности, для традиционной общины (КИ, ЛК, ПКлК) и профессиональных групп (ККлКрЛЧ)⁸. Однако уже в XIX–XVII веках происходят знаковые изменения, связанные со становлением ранних государств.

Как известно, в Древнем Египте и Древней Месопотамии ранние государства возникали, как правило, в результате длительной естественно-исторической эволюции преимущественно этнически однородных *племенных союзов*. Наличие таковых трудно отрицать и в Крито-Кикладском цивилизационном ареале. Однако, *во-первых*, пока отсутствуют убедительные данные об их достаточной устойчивости и подобных древневосточным этапам эволюции, выражающихся, в частности, в известных формах властно-собственнического своения⁹. Видимо, взаимосвязи племен, спорадическое объединение их усилий для осуществления актов внешней экспансии играли не ведущую, а вспомогательную роль в раннем стейтогенезе. Например, такая экспансия способствовала этнической идентификации, подчёркивая этническую близость объединившихся племён и этническую однородность каждого из них¹⁰.

Во-вторых, не только островные протогорода, но и ранние города XIX–XVII веков явились результатом эволюции *племен*, а не племенных союзов. Племенные центры трансформируются в дворцовые хозяйства, становятся резиденциями царей (вождей – династов). *Дворцовые хозяйства* инкорпорируют всё более сложные виды деятельности, в том числе судостроительной, фортификационной, внешнеторговой¹¹ и таким образом становятся центрами разветвлённого и прогрессирующего *городского хозяйства*. *В-третьих*, "по пятам" дворцового и городского хозяйства шли *общинные хозяйства*, в кото-

⁸ Наиболее вероятные для племенных унобров варианты распределения объектов и элементов своения между его акторами и формами рассмотрены нами ранее (Тарасевич, 2013. С. 252–258). Имеющиеся исторические данные не позволяют достаточно репрезентативно отразить специфику такого распределения в племенах Крито-Кикладского цивилизационного ареала рубежа III–II тыс. до н.э.

⁹ Речь идёт о параллельно-последовательном существовании ПЛКлКл, ЛПКлКл, ЛПКлКр, ПЛКлКр и ЛПКрКл форм (Тарасевич, 2013. С. 260–269).

¹⁰ Захваченные в плен иноплеменники становились рабами, чужими считались и проникавшие с материка ахейцы и пеласги.

¹¹ О строении и структуре дворцовых хозяйств Кносса и Пилоса (см. подробнее: Бартонек, 1991. С. 108–115).

рых наряду с развитием земледелия и скотоводства активно осваивается переработка сырья, появляются винодельни и маслобойни, а также *вельможные хозяйства*, принадлежащие родовой аристократии и неродовитым богачам. Совершенно очевидно, что уровень развития перечисленных хозяйств и их взаимосвязей адекватен отнюдь не традиционному племени, а выросшему из него раннему государственному цивилизационному универсумному образованию (*госцунобру*) или, в обычной терминологии, *раннему государству* во главе с властной государственной группой (*ВГосГр*) – результатом трансформации властной группы племени.

Таким образом, с учётом изложенного выше наиболее вероятным представляется доминирование уже в XIX–XVII веках не племенных союзов, а взаимосвязей (союзнических, конкурентных, гетерофобических и др.) первых ранних государств.

ВГосГр-а не могла не испытывать восточных влияний, а потому её строение и функции во многом отвечали восточным "образцам". Однако нас интересует главным образом её *специфика*, образуемая сочетанием унаследованных от ВГП и вновь обретенных качеств. С одной стороны, "островная" ВГосГр-а выглядит более *теократичной*, чем таковая в восточном госцунобре. Хотя жреческое сословие пользуется почётом и авторитетом, жреческая "вертикаль" не прослеживается. В отсутствие монументальных храмовых сооружений акрополи и святилища располагаются во дворцах и домах (Сергеев, 1963. С. 97). Именно царь возглавляет многие общенародные сакральные церемонии (*История Европы...*, 1988. С. 146), принимает основные религиозные решения, а его администрация жёстко контролирует порядок религиозной жизни и продуцирует соответствующие собственно институты. Следовательно, в руках царя сосредоточена значительная не только экономическая и политическая, но и религиозная власть.

С другой стороны, царь не объявляется богом или сыном бога, в изобразительном искусстве он не выступает на первом плане, а изображение божеств не является средством передачи религиозных чувств (Бартонек, 1991. С. 173). Кроме того, на Крите господствует культ женского верховного божества, которое принимает разные обличья и доминирует над олицетворяющим силы природы мужским божеством (Сергеев, 1963. С. 97). В многочисленных пещерах оборудуются скрытые от царского контроля святилища для отправления культов, альтернативных официальному (*История Европы...*, 1988. С. 146). Своим видом и требованиями к верующим боги не подавляют и не унижают их, не внушают прижизненный страх и посмертный покой. Все это свидетельствует о сравнительной недеспотичности теократии.

С учётом развития ранее обозначенных процессов в опредмечивании и очеловечивании, усложнения городского хозяйства, усиления корпоратизации профессиональных групп, а также царской администрации, корпоративная составляющая ВГосГр-ы по ряду пунктов¹² стала доминировать над клановой. В связке "корпоративные институты – клановые институты" значительно усилилось влияние первых. Это свидетельствует о трансформации *ПКлКрЛЧ* своего ВГ-ой племени

¹² Например, учёт и контроль, счётное дело, оперативное управление дворцовым хозяйством и др.

соответствующих объектов в ПКрКлЛЧ своеение таковых и ряда новых объектов¹³ ВГосГр-ой. Следовательно, в Крито-Кикладском цивилизационном ареале *государственная собственность* возникает как ПКрКлЛЧ вид властно-собственнического своеения в отличие от ПЛКрКл вида в ранних восточных государствах.

По-видимому, изначально первый вид менее деспотичен в сравнении с последним. *Во-первых*, нет убедительных свидетельств полной верховной собственности царя на все земли (в том числе, морские просторы) царства. Известные факты регистрации земельных владений (Бартонек, 1991. С. 105) в фискальных целях, взимания ренты-налога, оперативного управления некоторыми хозяйственными процессами (например, строительство фортификационных сооружений), установления монополии на внешнюю торговлю убеждают лишь в её (верховой собственности) ограниченном характере, неисключительности закрепления за царём ПКрКлЛЧ распоряжения указанными объектами.

Во-вторых, ПКрКлЛЧ вид своеения представлял относительно более благоприятные возможности для частного обогащения. Широкое распространение индивидуальных печатей (*История Европы...*, 1988. С. 142) свидетельствовало не только об особом статусе персон ВГосГр-ы, но и появлении значительного количества состоятельных рядовых граждан, обогащении сельской общинной знати (*История Европы...*, 1988. С. 146, 148). Видимо, достаточно широкое распространение получило использование персонального положения во ВГосГр-е для частного обогащения, а частных накоплений – для проникновения во ВГосГр-у. Не исключено сращивание персон ВГосГр-ы и относительно свободных частных собственников, например, на основе родства или личной унии. *В-третьих*, сам царь и члены его родового клана были *фактическими* частными собственниками значительных земельных массивов. Получаемые ими доходы, в том числе арендная плата за землю, использовались ими не только для "статусного", но и для частного обогащения.

Разумеется, выросшие на племенном субстрате ранние государства были во многих отношениях неразвитыми. Численность населения и занимаемая территория не шли ни в какое сравнение с таковыми в первых восточных государствах, отсутствовали административно-территориальное деление и профессиональная армия, силы правопорядка и т.п. Несмотря на это, а также на недеспотический характер ПКрКлЛЧ своеения, царям удавалось сосредоточить в своих руках значительные ресурсы, которые использовались для внешней экспансии и покорения других государств и племён. Конечно, новый этап централизации XVII – первой половины XV веков стал возможным не только благодаря концентрации ресурсов. Минойской династии Кносса удалось объединить под своим началом островные царства и племена благодаря умелому использованию их этнической однородности, религиозно-духовной близости, а также экономической мощи Кносса и институциональному лидерству.

¹³ Например, земель покорённых племён, избыточного продукта с них (земель), львиной доли доходов от морского промысла и торговли – на правах распорядителя судами и средствами сообщения и др.

Судя по мифам и сказаниям (Сергеев, 1963. С. 77–78), немало важную роль в интенсификации объединительных процессов сыграли личные качества родоначальника Крито-Кикладской монархии – кносского царя Миноса. Именно благодаря этим особым качествам в полном соответствии с протоинститутами меритократии сначала он занял ведущие позиции в союзе критских царств, затем возглавил совместные походы и успешное подчинение Киклад и, наконец, сумел использовать результаты побед для трансформации указанного союза в *новый госцунобр – монархию*. Вероятно, её *ядро* с центром в Кноссе составляли три-четыре этнически близкие царства, взаимосвязи которых постепенно эволюционировали от гетерархических (конфедеративных) к синархическим (федеративным). *Полупериферия* монархии состояла из колоний, в том числе на материке, и этнически близких царств и племен Киклад. На *периферии* располагались разной степени зависимости "чужие" царства и племена – и материковые, и островные. Видимо, между ядром и полупериферией преобладали гетерархические связи, а между ядром и периферией – сочетание гетерархических и анархических.

Разумеется, усилия Миноса и его потомков были направлены на интенсификацию центростремительных процессов, лично-кланового и деспотического атрибутов власти. Прежде всего, речь идёт об установлении монополии на институциональную деятельность, продуцировании соответствующих собственно институтов и корректировке существующих протоинститутов, которые активно использовались для унификации религиозных культов и представлений (*История Европы...*, 1988. С. 152), политико-правовых норм, усиления сакрализации монарха и его клана, распространения слогового письма А (*История Европы...*, 1988. С. 150) с целью образования единого культурного и институционального пространства, обеспечения легитимности изменений в системе своения, власти-собственности, которые бы отвечали интересам монархической верхушки, т.е. руководства *властной монархической государственной группы* (ВМГосГр).

Речь идёт не просто о ВГосГр-е Кносского царства, которая распространила своё влияние на ядро, полупериферию и периферию монархии, а о ВМГосГр-е, включающей представителей их правящих верхов. Таким образом, в её состав могли входить: 1) члены родового клана монарха, например, сыновья Миноса, которых он "поставил управлять" отдельными царствами Киклад (*История Европы...*, 1988. С. 149); 2) цари и вожди покорённых царств и племен; 3) неродовитые наместники монарха; 4) высшие чиновники и военачальники; 5) главы ведущих профессиональных групп. Первые и вторые могли утверждаться монархом, третьи, четвертые и пятые – назначаться, и как персоны ВМГосГр-ы наделялись соответствующими полномочиями.

Строение ВМГосГр-ы и полномочия её персон в основном соответствовали строению монархии и значимости её составных частей. Очевидно, что её персонами могли стать представители верхов только *центрального* и *регионального* уровня. Представители *местного* уровня – местная знать, жрецы, свободные общинники, ремесленники и торговцы, божьи слуги, зависимые и рабы – довольствовались лишь

той или иной степени зависимости от группы, не имея перспектив вхождения в её состав.

Трудно сомневаться в том, что устройство монархии и её властной госгруппы было позаимствовано у восточных государств гораздо более "почтенного возраста". Импортировались и стандарты власти-собственности. Но, будучи переносимыми на местный грунт, они подвергались неизбежным модификациям. Рассмотрим этот пункт внимательней.

Сложившееся в домонархический период в островных царствах ПКрКлЛЧ своеение ВГосГр-ой соответствующих объектов продолжало существовать и в условиях монархии, но не могло оставаться прежним, поскольку испытывало активное влияние *нового* вида власти-собственности. Имеется в виду ЛКлПКрЧ своеение ВМГосГр-ой, прежде всего её клановым ядром, по крайней мере, следующих объектов: 1) морских торговых путей и соответствующих участков моря¹⁴; 2) значительных участков земли захваченных "чужих" царств и племен; 3) львиной доли избыточного продукта с периферийных районов и значительной части – с полупериферийных; 4) наиболее мощных боевых и торговых судов и вооружений; 5) соответствующих собственно институтов: а) своеения, б) насилия, в) редистрибуции, г) религии, д) морали. Ведущая роль личного и кланового атрибутов властно-собственнического своеения на начальном этапе эволюции монархии объясняется особыми СЧСоч, личными качествами Миноса, личное эндосвоеение которых он сумел конвертировать в преимущественно лично-клановое своеение указанных объектов. Разумеется, при этом он опирался на традиционное для ВГосГр союзных царств ПКрКлЛЧ своеение, знание особенностей "племенного" ПКлКрЛЧ своеения и предпринимал более или менее успешные действия по переводу объектов и элементов этих видов властно-собственнического своеения в ЛКлПКрЧ своеение¹⁵, а также подчинению их акторов акторам последнего.

С течением времени, уже через два-три поколения, инкорпорированные в ЛКлПКрЧ своеение акторы и объекты способствовали его трансформации в иной вид. *Во-первых*, не секрет, что специфика объектов своеения оказывает влияние на его характер. Если в своеении упомянутых объектов в домонархический период преобладали персональный и корпоративный атрибуты, то и в условиях ЛКлПКрЧ своеения эти объекты будут "подталкивать" личный и клановый атрибуты в направлении персонализации и корпоратизации. *Во-вторых*, личный и клановый атрибуты своеения весьма удалённых от центра объектов не могут быть реализованы непосредственно, в том числе по причине "дефицита" близких родственников, тем более, профессионально подготовленных. Поэтому неизбежно включение в "цепочку" своеения не родственников и неродовитых назначенцев. *В-третьих*, переход к наследованию монархического престола означает смену приоритетов: на высшем уровне властной иерархии персональный атрибут начинает доминиро-

¹⁴ Отнюдь не случайно в мифической традиции Минос предстает "талассократом" – властителем моря (Сергеев, 1963. С. 77).

¹⁵ Имеющиеся исторические данные не позволяют достаточно определённо судить о трансформации ПКрКлЛ и ПКлКрЛЧ видов власти-собственности в иные виды.

вать над личным. *Наконец*, характерные для "домонархического" ПКрКлЛЧ своения тенденции персонализации и корпоратизации стимулируют таковые и в "монархическом" ЛКлПКрЧ своении. С учётом изложенного выше преобразование последнего в *ПКрЛКлЧ* своение ВМГосГр соответствующих объектов становится делом времени.

С одной стороны, этот вид своения был адекватен масштабам и внутреннему устройству Крито-Кикладской монархии XVI–XV веков, поскольку обеспечивал достаточное представительство и устойчивость ВМГосГр. С другой стороны, он не предотвратил новые для монархии противоречия, не обеспечив адекватные формы, механизмы их разрешения и движения. Речь идёт не только об описанных ранее противоречиях между: 1) верхами и низами по поводу экзосваиваемого верхами избыточного продукта и части необходимого продукта; 2) разными группами верхов (верхи центрального, регионального и местного уровней; центра, полупериферии и периферии монархии; персоны и их подгруппы в рамках ВМГосГр) по поводу своения земли, моря, избыточного, необходимого продукта и других объектов; 3) институтами права, институтами нравственности-морали верхов, с одной стороны, и институтами нравственности-морали низов – с другой; 4) институтами права, институтами нравственности-морали монарха и его родового клана, с одной стороны, и таковыми покорённых аристократических родовых кланов – с другой; 5) институтами кланов и институтами корпораций и др.

Не менее значимыми для судеб монархии явились *противоречия между импортированными и почвенными институтами*. С одной стороны, такое заимствование было вполне естественным и неизбежным с учётом восточного происхождения населения островов Древней Греции и демонстрационного эффекта более развитых государств Востока, но с другой – в известном смысле препятствовало естественной эволюции, диктуемой природными стандартами и универсумными особенностями почвенных институтов. Столкновение импортированных и почвенных институтов порождало институциональные мутации, которые в конечном итоге не могли устроить ни верхи, ни низы. Поскольку же главными реципиентами и носителями импортированных институтов были верхи, а почвенных институтов – низы, постольку масштабы разрыва между верхами и низами определялись и масштабами разрыва между указанными институтами, и степенью их мутатизации.

Крайнему обострению указанных выше противоречий способствовали природные катастрофы XVI–XV веков¹⁶. Вероятно, они были восприняты низами как наказание богов за отступничество верхов от их воли, что привело к утере *миносской* династией этеокритян сакральной легитимности и её замене после катастрофы 1450 года

¹⁶ Около 1600, 1500 и 1450 годов Крит испытал тяжелые землетрясения. При каждом землетрясении погибало немало людей, и восстановление полей, садов, стад, орудий труда и рабочих мест стоило огромных усилий. После извержения вулкана на острове Фера около 1450 г. и громадных разрушений крупные административные центры Фест, Маллия и Закро не были восстановлены. Ослабленный Кносс не смог сохранить свою власть над населением Кикладских островов (*История Европы...*, 1988. С. 152–153).

до н.э. ахейской династией. Крито-Кикладский авангард передаёт цивилизационную эстафету доминирования микенской Греции.

Таким образом, для Крито-Кикладского цивилизационного авангарда характерны срединно-западно-восточные природные стандарты и технологические паттерны; срединно-восточно-западные формы своения и соотношение субформ власти-собственности; восточно-срединно-западные государственная организация, редистрибуция и торговля, социальная и институциональная структура и мобильность; духовность, религия и идеология. Следовательно, вполне допустимо *предположение* о принадлежности Крито-Кикладского цивилизационного ареала к срединному субтипу Восточного типа общественной эволюции.

Литература

1. Бартошек А. (1991). Златообильные Микены. Москва: Наука. 352 с.
2. История Европы (1988). Т.1. Древняя Европа. Москва: Наука. 704 с.
3. Сергеев В.С. (1963). История Древней Греции. Москва: Изд-во восточной литературы. 531 с.
4. Тарасевич В.Н. (2017). Фундаментальная экономическая наука: универсумность содержания и развития: монография. Днепр: ЧМП "Экономика". 1022 с.
5. Тарасевич В.Н. (2013). Экономико-теоретическое знание: универсумные императивы, гипотезы, опыты: монография. Москва: ТЕИС. 600 с.

Поступление в редакцию 15.10.2019 г.

References

1. Bartonek, A. (1991). Gold rich Mycenae. Moscow: Science [in Russian].
2. Ancient Europe (1988). In *History of Europe*, vol. 1. Moscow: Science [in Russian].
3. Sergeev, V.S. (1963). History of ancient Greece. Moscow: Publishing House of Oriental Literature [in Russian].
4. Tarasevich, V.N. (2017). Fundamental economic science: the universum of content and development. Dnipro: PME Economics [in Russian].
5. Tarasevich, V.N. (2013). Economic theoretical knowledge: universum imperatives, hypotheses, experiments. Moscow: TEIS [in Russian].